

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

ГЕНИЙ НЕПРЕКЛОННОЙ ВОЛИ

(К 200-летию М. А. Бакунина)

*Воля — вот что составляет
главную сущность человека...*

Михаил Бакунин

Незадолго до срыва в безумие Фридрих Ницше сформулировал свое понимание участи гения, вступившего на путь духовной самореализации в условиях всевластия посредственности. Вот один из набросков этого понимания: «В войне против великих людей есть много смысла. Они опасны, они капризны, они исключительны, они порывисты — и довольно сильны, чтобы угрожать тому, что закладывалось и строилось так долго, это люди-вопросительные знаки, поставленные после предметов нерушимой веры. Надо не только безопасно разрядить эту взрывчатку, но и *предотвратить* её образование и накопление, если только возможно: вот что рекомендует инстинкт цивилизованного общества»¹. Одним из таких великих людей, несомненно, был и Михаил Александрович Бакунин — «фантастическое порождение русского барства»², «решительный гегелианец»³, идеолог русского бунта, пророк анархокоммунизма, призывавший к разрушению любой социальной формы, ущемляющей свободу воли и таким образом препятствующей становлению самостоятельной, полноценной личности. *Вопросительные знаки*, поставленные им полтора столетия назад «после предметов нерушимой веры» — материального благополучия и социального статуса индивида, брака и семьи, государства и Церкви, — по-прежнему остаются выражениями характерного для русского нестяжателя-духовидца своемыслия в сочетании с *непрерывным исканием Бога*⁴ — вплоть до открытия Его для себя в революции. Война против Бакунина, начавшаяся в 1844 году, когда он узнал о том, что был лишен дворянского титула и заочно приговорен в России к каторжным работам, продолжалась и весь следующий век. Нужно сказать, что и в наше время Бакунин все ещё остается «блуждающей кометой»⁵ русского космоса, взрывоопасным мыслителем современности, внушающим страх этаким, апологетам «дурного государства»⁶. История о том, как некогда его друзья и противники пытались «безопасно разрядить эту взрывчатку», и любопытна, и поучительна⁷.

Дружба с Н. В. Станкевичем совпала для Бакунина со счастливейшей порой его жизни, временем духовного пробуждения и самоопределения, поис-

---

ВОДОЛАГИН Александр Валерьевич — доктор философ. наук, профессор. Член Союза писателей России. Автор книг «Метафизическая ось евразийства» (в соавт. 1994), «Метафизика воли» (2012), «Собирание духа. Пути и беспутство русской мысли» (2013), сборника рассказов «Оливема» (2000), романа «Ворох, или играющий с огнём» (2010 — Литературная премия имени Н. В. Гоголя).

ка “целостного мировоззрения” и осознания своего призвания⁸. Они познакомились в марте 1835 года в Москве, когда семья Бакуниных гостила у своих родственников Бееров. Особенно сильное впечатление на Станкевича произвели “ангельские лица” сестер Мишеля – Любви, Татьяны и Варвары. В один только день общения с этими “прекрасными созданиями божьими” он пережил “тысячи разных ощущений”⁹. “Семейство Бакуниных – идеал семейства, – писал Станкевич своему другу Я. М. Неверову, – следовательно, можешь представить, как оно должно действовать на душу, которая не чужда искры божьей! Нам надо ездить туда исправляться...”¹⁰ В октябре того же 1835 года Станкевич впервые гостит в родовом имении Бакуниных Прямухине. Они целыми днями просиживают с Мишелем над текстами Канта – “с трубками в зубах и горячими планами на будущее”. Им кажется, что они выбрали “одну дорогу”¹¹. Станкевич подсказывает 21-летнему офицеру-артиллеристу, кого и как читать для того, чтобы разобраться в себе, обрести “цель жизни”, осознать своё человеческое достоинство и назначение. В списке Станкевича, помимо кантовской “Критики чистого разума”¹², произведения Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шекспира и Гофмана. Попавший под его влияние Мишель выходит в отставку (1835) в чине прапорщика и с жадностью погружается в изучение германской философии, ища в ней, как учил Станкевич, “душевного возрождения” и спасения от вселенной тоски, от состояний “нравственной апатии и слабости”, столь хорошо известных *русским мальчишкам*, вступившим на путь *радикальной индивидуализации*¹³. Некоторое время новообращенный адепт *гегелизма* соглашается быть ведомым, хотя во внутрисемейной жизни уже начинает претендовать на доминирование и в своей *борьбе за признание* разрушает столь ценную Станкевичем атмосферу бакунинского “семейного счастья”: авторитет отца Александра Михайловича (*мудрого старца*, как звал его Белинский) оказывается подорванным, сестры выходят из-под авторитарного контроля матери – Варвары Александровны – и подчиняются воле юного “пастыря” Мишеля, страстно проповедующего главную идею своего кумира – Станкевича: “Жизнь есть самонаслаждение любви”¹⁴, которая невозможна без самоотречения, без “самозабвения для других”¹⁵. Тем временем его мать со слезами жалуется, что он “лишил её и Александра Михайловича *любви дочерей*”¹⁶. В письме к одной из них – своей предполагаемой невесте Любви Бакуниной¹⁷ – Станкевич подсмеивался над другом: “Мишель сказывал мне, что он писал в Прямухину очень много наставлений: у этого человека страсть всех учить. Недавно он сбил с пути Лангера, славного музыканта, и заставил его читать Фихте... Каково покажется?”¹⁸

Между тем, ещё одному ученику Станкевича – Виссариону Белинскому – уже не до смеха. Переживший в августе 1836 года¹⁹ преображение в прямухинской “святой и таинственной атмосфере”²⁰, влюбившийся в другую сестру Бакунина – Александру, – Белинский изнемогает под “тяжким игом” бакунинского *магнетического* авторитета²¹, признавая, однако, духовное превосходство “львообразного” Мишеля, этого “непризванного воспитателя женщин”²². “Кстати о Прямухине, – писал Виссарион ему из Пятигорска 16 августа 1837 года. – Ты говоришь, что однажды тебе удалось пробудить меня от моего постыдного усыпления и указать мне на новый для меня мир идеи; правда, я этого никогда не забуду – ты много, много сделал для меня. Но не новыми утешительными идеями, а тем, что вызвал меня в Прямухину – воскресил ты меня... Прямухинская гармония не помогла тебе в моём пробуждении, но была его главной причиной”²³. Наблюдение верное. Именно прямухинское “дворянское гнездо” второй половины 1830-х годов стало *подлинным местом рождения* феноменологии русского духа²⁴, наброски которой мы находим, в частности, в переписке Белинского с Бакуниным, вслед за Станкевичем прошедшим “суровый искус Гегелевой логики”²⁵. Их письма-диссертации – свидетельства экстазов времени, пережитых русскими *гегелятами* в жару нескончаемых ночных споров о смысле и ценности тех жизненных опытов, через которые проходит “маленькое я” профана на пути к духовному пробуждению и превращению в средоточие “абсолютной жизни”, в орудие *провидения* или *фатума*²⁶. Дружба и любовь были для них испытаниями важнейшими. Усвоенные в кружке Станкевича привычки протоколировать свои “ощущения и ощущенияница”²⁷, с “прекраснодушным энтузиазмом” исповедоваться друг перед другом, доходя до крайности *самоунижения*, признаваться в собственных *падениях* и обвинять в изменах “прекрасному и высокому” своего ближнего,

объясняя всё и вся в терминах гегелевской “Феноменологии духа”, создавали напряжение между друзьями, омрачая их отношения взаимными упреками, подозрениями, ревностью, “личной враждебностью” и даже ненавистью. И все это – в сочетании с муками совести. После отъезда Станкевича в августе 1837 года в Европу участники кружка разбредаются по своим углам. Белинский признаётся Бакунину в том, что “от души рад, что нет уже этого кружка, в котором много было прекрасного, но мало прочного; в котором несколько человек взаимно делали счастье друг друга и взаимно мучили друг друга”²⁸. Невзирая на это, Мишель наращивает свою активность, направленную на создание новой “религиозно-нравственной общины”, в состав которой (помимо обожаемых сестер и братьев Бакуниных, Константина, Натали и Александрины Беер) в 1840 году ненадолго входит новоявленный гегельянец Иван Тургенев. Встреча со Станкевичем и знакомство с Бакуниным стали для него важнейшими событиями жизни, экзистенциальная значимость которых была приоткрыта им в его первом романе “Рудин” (1955). Погружение же в необычную духовную атмосферу Прямухина обогатило его “наблюдающий разум” новыми опытами, без которых вряд ли возникли бы чарующие образы “тургеневских девушек”²⁹ – сестер Бакуниных и их подруг: Натали и Александрины Беер.

Смерть Станкевича в июне 1840 года подействовала на его друзей и единомышленников отрезвляюще: на какое-то время они забыли о взаимных обидах и “жестоких ссорах”, объединенные благодарным припоминанием об их *общем искупителе* (так называл Станкевича Михаил Бакунин). “Боже мой! Кто ждал этого? – писал Белинский В. П. Боткину 12 августа 1840 года, сообщая другу о смерти их общего кумира. – Не был ли бы, напротив, каждый из нас убеждён в невозможности такой развязки столь богатой, столь чудной жизни? Да, каждому из нас казалось невозможным, чтобы смерть осмелилась подойти безвременно к такой божественной личности и обратить её в ничтожество... Он живёт, скажешь ты, в памяти друзей, в сердцах, в которых он раздувал и поддерживал искры божественной любви. Так долго ли проживут эти друзья, долго ли пробьются эти сердца? Увы! Ни вера, ни знание, ни жизнь, ни талант, ни гений не бессмертны! Бессмертна одна смерть: её колоссальный, победоносный образ гордо возвышается на престоле из костей человеческих и смеётся над надеждами, любовью, стремлениями!..”³⁰ После пережитого потрясения Белинский до конца своих дней сохранил мрачное, близкое к *отчаянию* умонастроение, характерное для *несчастливого сознания* – этого “движения бесконечной тоски” – *сознания собственного ничтожества*, которое “находит себя только *вождем и работающим*”³¹, не испытывая радости ни от обладания вождем объектом, ни от собственного “скудного действования”.

Иначе воспринял смерть Станкевича Бакунин, уже прошедший в своём духовном развитии ступень несчастного сознания, связанную с переживанием *скорби* о своём *конечном бытии* в богооставленном мире. “Я не знаю, как, но его смерть не угнетает меня, – писал он в августе 1840 года любимой сестре Татьяне, – напротив, она внушает мне возвышенную веру и крепость. Его бессмертный дух парит над нами – он передал нам священное значение и неизмеримо глубокий смысл своей жизни – как бы единую цель, к которой мы все теперь должны стремиться”³². Смерть, по его словам, имеет “святое, великое, прекрасное значение”³³, так как, разрушая индивидуальность, способствует рождению личности – неразрушимой духовной монады: “смерть есть жизнь жизни”³⁴, прорыв из времени в вечность. Слова, свидетельствующие о том, что к 26-ти годам Мишель уже стал *дваждырождённым*, то есть пережил то преобразование в Духе, на которое его ориентировал Станкевич. Уже тогда в нём проглядывало *жуткое соединение аскета и “солдата Духа*”³⁵. Ещё в апреле 1836 года, в период интенсивного изучения текстов Фихте, он писал сестре Татьяне: “Я не создан для жизни внешней, для внешнего счастья, и я его не желаю. Я доволен своей судьбой. Вся жизнь моя сосредоточена внутри меня... теперь я имею почти неограниченную веру в мою силу воли”³⁶. Тогда же он отказался от выгодного брака и банального “семейного счастья”, от предначертанной отцом служебной карьеры и связанного с ней мирского благополучия. Он занялся переводом практически никому не нужных в России наставлений Фихте о “блаженной жизни”³⁷, зарабатывая себе на пропитание частными уроками, обедая по субботам у приятельницы Чаадаева Е. Г. Левашовой, а по воскресеньям – у Аксаковых. Константин Аксаков,

с которым он сошёлся в кружке Станкевича, вспоминал, что тогда Мишель по-настоящему занимала одна только *чистая мысль*. Уточним: мысль о Боге, являющем свою сокровенную сущность религиозному сознанию *посвященного*. Чтение им в это время мистической литературы косвенно подтверждает тот факт, что “крестоносец молодой”, как звал его К. С. Аксаков, вступил на путь *гносиса* — “блуждающего искания истины” (Гегель), которое окончилось для него роковой встречей с Арнольдом Руге (1841), разрывом с православной *внутрисемейной религиозностью* рода Бакуниных и вступлением в 1845 году в масонскую ложу Великого Востока Италии³⁸. Заметим, между прочим, что ни “тёмные стороны” его характера (о них Бакунин сам говорил открыто: “Во мне сидел бес разрушения... ”³⁹), ни опасные заблуждения в *неистовых поисках самого себя* не дают оснований для исключения его из сонма *лучших людей* России, ибо, как говорил Гегель, не результат есть действительное целое, но результат вместе со своим становлением⁴⁰. Думается, что даже в своих еретических, с точки зрения церковной ортодоксии, утверждениях 1860–1870-х годов Бакунин, позиционируя себя в качестве материалиста и атеиста, остался верным ультимативной установке своей юности: “Нужно жить и дышать только для Абсолюта... ” Став, казалось бы, законченным нигилистом⁴¹, он, тем не менее, сохранил веру в Бога⁴², правда, воспринимаемого лишь в одном его аспекте — как *чудовищная мощь негативного*⁴³, то есть опять-таки по-гегелевски. Именно в этом своём негативном качестве “Бог философов” совершает своё триумфальное шествие в мире, используя для осуществления “абсолютной идеи” свободы *великих людей* с присущей им *волей к мощи, захваченных творческой страстью к разрушению*. Кто знает — может быть, уже в конце 1830-х годов в гегелевской “Философии истории” Мишель вычитал *логику своей судьбы* и, бросившись в “волны действительности”, неуклонно ей следовал и в рискованных политических авантюрах, и в тюремных мытарствах, и в борьбе с засильем *марксидов-русофобов* в Интернационале? Оценивая масштаб его личности, Герцен говорил: Бакунин — “одна из тех индивидуальностей, мимо которых не проходит ни современный мир, ни история”, человек, способный увлекать массы и потрясать судьбы народов⁴⁴. “Таких людей нельзя просто сдать в архив — и забыть ”⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. в тринадцати томах. Т. 13. Черновики и наброски 1888–1889 годов. М., 2006. С. 439.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 54.

³ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 557.

⁴ Воля как духовная сущность обнаруживает себя, согласно Якобу Бёме, в захватывающем человека *непрерывном искании Бога* (подробнее см.: Водолангин А. В. Метафизика воли. М., 2012. С. 138–142).

⁵ Одно из определений, данных Бакунину Белинским.

⁶ Термин “дурное государство” (*schlechter Staat*) Гегель использовал для обозначения такой политической формы, которая создаётся не для осуществления свободы воли, а для её подавления, что предполагает использование как материальных средств принуждения и насилия, так и психолого-идеологических, символических воздействий.

⁷ Для усмирения *активного нигилиста* Бакунина использовались и грубые (тюремное заточение, заковывание в цепи и т. п.), и тонкие методы психического насилия. Последние применял, например, император Николай I, навязавший узнику Алексеевского равелина роль кающегося грешника, блудного сына, исповедующегося перед своим “духовным отцом” — императором. Бакунин принял предложенную ему ненавистной властью роль не потому, что сломался: он рассчитывал на замену тюремного заключения ссылкой как на возможность побега, то есть и в заточении упорно следовал избранной им в юности жизненной стратегии борьбы за реализацию своего “абсолютного права” — права на свободное действие и самоопределение вопреки давлению обстоятельств и каких-либо авторитетов. Примечательно то, что русский путь к “новой благодати” безгосударственного существования (= коммунизма) лежал, согласно Бакунину, через эпоху “сильной диктаторской власти”, занимающейся “возвышением и просвещением народных масс”, так что его философия анархии была не столь проста, как она

- представлялась его философски неискушённым критикам, и вполне могла конкурировать с утопическим учением Маркса о “диктатуре пролетариата”. Прав был Александр Блок, назвавший Бакунина одним из замечательнейших *распутий русской жизни*: “Только крайний забулдыга мог так шутить и играть с огнём” (Блок А. Соч. в двух томах. Т. 2. М., 1955. С. 49). “Займём огня у Бакунина!” (Там же. С. 51).
- ⁸ “Встреча со Станкевичем была для меня спасительна; она составляет эпоху, решительный перелом в моей жизни”, — писал Бакунин сестре Варваре 15 марта 1840 года — за три месяца до смерти друга (Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. Т. 2. Гегелианский период 1837–1840. М., 1934. С. 386.)
- ⁹ Станкевич Н. В. Избранное. М., 1982. С. 119.
- ¹⁰ Там же. С. 144.
- ¹¹ Там же. С. 127.
- ¹² В конце 1835 года Станкевич передал Бакунину свой экземпляр “Критики чистого разума”. Незадолго до встречи со Станкевичем Бакунин успел прочитать работы русских шеллингианцев — А. И. Галича и Д. М. Велланского. С самим Шеллингом он познакомился осенью 1841 года в Берлине, поражённый “неизмеримой глубиной жизни” и творческого мышления философа.
- ¹³ В России “борьба за индивидуальность” приняла форму беспощадного к обычаям и привычкам повседневной жизни *нигилизма*, впервые исследованного И. С. Тургеневым (Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 283). Впрочем, Тургенев и сам был “одним из величайших нигилистов” (Герцен А. И. Соч. в восьми томах. Т. 8. М., 1975. С. 319).
- ¹⁴ Там же. С. 149.
- ¹⁵ Там же. С. 145.
- ¹⁶ Белинский В. Г. Собр. соч. в девяти томах. Т. 9. Письма 1829–1848 годов. М., 1982. С. 191.
- ¹⁷ Об умершей Л. А. Бакуниной, так и не узнавшей о том, что Станкевич решил отказаться от брака с ней, Белинский писал Бакунину в октябре 1838 года: “У тебя четыре сестры; все они или каждая из них представляет собою *особное* прекрасное явление, но одна отделилась от всех и отделилась резко. Это та, которой уже нет и которую вы все так справедливо называете *святою*. Она пользовалась блаженством жизни, как своею собственностью...” (Белинский В. Г. С. 199). *Русский Гамлет* Станкевич пережил свою *Офелию* всего на два года.
- ¹⁸ Станкевич Н. В. Избранное. С. 163.
- ¹⁹ Белинский прожил в Прямухине по приглашению Бакунина 4 месяца — с августа по ноябрь 1836 года — и часто потом вспоминал об этом благодатном времени как о пребывании в раю, тосковал о “потерянном рае”.
- ²⁰ Белинский В. Г. С. 210.
- ²¹ Там же. С. 204, 319.
- ²² Там же. С. 319. Известно, что юный Бакунин охотно взял на себя роль “советника по всем интимным делам” в ходе бурного романа Станкевича с экзальтированной Натали Беер. Отголоски этого эпизода — в тургеневском “Рудине”. Интересно, что в этом имени главного персонажа тургеневского романа зашифрованы некоторые особенности внешнего облика и психического склада Бакунина (См.: Водолагин А. Зарницы русского нигилизма. *Несчастное сознание* в прозе И. С. Тургенева. // Литературная газета, 2014, № 10).
- ²³ Там же. С. 76. “До знакомства с Бакуниным Белинский считал себя шеллингианцем” (Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М., 1915. С. 238).
- ²⁴ Подробнее о феноменологии русского духа см.: Водолагин А. В. Собрание духа. Пути и беспутство русской мысли. Саарбрюкен, 2013. С. 32–50.
- ²⁵ Герцен А. И. Соч. в девяти томах. М., 1956. Т. 5. С. 13. Бакунинское “внимание в Гегеля” началось в июле 1837 года (Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. С. 402, 701).
- ²⁶ Белинский В. Г. С. 198.
- ²⁷ Там же. С. 498.
- ²⁸ Там же. С. 346.
- ²⁹ Помимо прямого нравственного влияния Бакунина, его сторонники оказывались во власти созданной им в Прямухине духовной атмосферы, которую отчасти воспроизвёл в своих романах И. С. Тургенев. “Он вселил высшие идеалы и показал нам, что такое русская женщина, — вспоминал о Тургеневе П. А. Кропоткин, —

- какие сокровища таятся в её сердце и уме и чем она может быть как вдохновительница мужчины. Он нас научил, как лучшие люди относятся к женщинам и как они любят” (Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 397).
- ³⁰ Там же. С. 389.
- ³¹ Hege l G. W. F. Phänomenologie des Geistes. Nach dem Texte der Originalausgabe. Berlin, 1975. S. 165.
- ³² Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л. – М., 1925. С. 16–17.
- ³³ Там же. С. 151.
- ³⁴ Там же. С. 104.
- ³⁵ Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб, 2007. С. 105. *Синтетичность* Бакунина “как-то дразнит наши половинчатые, расколотые души”, – признавал Александр Блок (Блок А. Т. 2. С. 51).
- ³⁶ Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. С. 217–218. Пройдя в своём духовном развитии ступень раздвоенного, несчастного сознания, застающего себя только вожделем и работающим и практикующим отношением “себялюбивого разрушения” к предмету своего вождения, Михаил Бакунин возвысился до открытия в себе “всеобщего Я”, субъекта “разумного самосознания”, знающего о своей “абсолютной свободе” и готового к бунту против любой социальной формы, ограничивающей или подавляющей таковую. Согласно “бакунинскому Гегелю” (Герцен), эта ступень духовности связана с отрицанием личности своей “непосредственности”, “чувством ничтожности себялюбия” и признанием “абсолютной самостоятельности” другой личности, на что было не способно “вождеющее самосознание” несчастного эгоцентриста. Далее этой стадии духовного развития Бакунин не продвинулся. Неожиданно приостановив своё восхождение к сияющей вершине “абсолютного знания”, наш *решительный гегелианец* ринулся в пучину действительной жизни, пытаясь вполне по-донкихотски навязать ей “закон совершенный, закон свободы”. В то время как Белинский всё ещё хлопотал о счастье, Мишель уверял друзей: “Я не хочу счастья, не думаю о счастье, – дела, дела строгого, святого дела хочу я” (Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. С. 172).
- ³⁷ Первый труд Бакунина – перевод лекций Фихте о назначении учёного – был опубликован в журнале “Телескоп” в 1835 году, первая самостоятельная философская статья “Гимназические речи Гегеля. Предисловие переводчика” появилась в 1838 году в “Московском наблюдателе”. “Впрочем, главная сила Бакунина, – полагал П. А. Кропоткин, – была не в его писаниях. Она была в его личном влиянии на людей. Она сделала Белинского тем, чем он стал для России: типом неподкупного революционера, социалиста и нигилиста, который воплотился впоследствии в нашей чудной молодёжи семидесятых годов” (Кропоткин П. Анархия, её философия и идеал. Воспоминания о Бакунина. М., 1906. С. 61). О влиянии Бакунина на формирование “искажённого фаталистического гегелианства Белинского” говорил С. А. Венгеров (Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. С. 451). Герцен в “Былом и думах” описывал “бесконечные толки о феноменологии” – “знаменитые всеобщие бдения Бакунина с Хомяковым у Чаадаева, у Елагиной о том же Гегеле” (Герцен А. И. Соч. в девяти томах. Т. 5. М., 1956. С. 449).
- ³⁸ Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 81; Платонов О. А. Криминальная история масонства. 1731–2004 гг. М., 2005. С. 116.
- ³⁹ Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975. С. 419. Некоторые черты Бакунина, одержимого “бесом разрушения”, отражены в Ставрогине (Левцкий С. А. Очерки по истории русской философии. М., 1996. С. 100).
- ⁴⁰ Hege l G. W. F. Phänomenologie des Geistes. S. 11.
- ⁴¹ Уже в 1848 году Бакунин, по мнению Герцена, был “вполне нигилист” (Герцен А. И. Соч. в восьми томах. Т. 8. М., 1975. С. 319). В юности же он склонялся к “религиозному имманентизму” (Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Париж, 1989. С. 254).
- ⁴² Вспоминая о своей последней встрече с Бакуниным в Лондоне в 1862 году, Тургенев утверждал, что тот всё ещё верил и в Бога, и в личное бессмертие.
- ⁴³ Подробнее об этом: Водолагин А. В. Философия революционного террора. // Национальные интересы, 2008, № 2. С. 40–44. Бакунин был одним из немногих русских, кто, по словам Герцена, действительно пережил гегелевскую “Феноменологию духа” и до конца жизни практически следовал выраженному в ней пониманию Абсолюта.
- ⁴⁴ Герцен А. И. Соч. в девяти томах. Т. 5. С. 575, 576.
- ⁴⁵ Там же. С. 579.